

Дана Арнаутова

Подари мне пламя
белая ворона

18+

Сумерки Мидгарда

Дана Арнаутова

Подари мне пламя. Белая ворона

«Автор»

2017

Арнаутова Д.

Подари мне пламя. Белая ворона / Д. Арнаутова — «Автор», 2017 — (Сумерки Мидгарда)

Выполняя требования шантажистов, Маред Уинни соглашается стать временной любовницей лэрда Монтроза. Лэрд предлагает ей карьеру в любимом деле, его враги - свободу и месть за унижение. Скромная студентка превращается в уважаемого профессионала, робкая девушка - в желанную женщину. Однако на Монтроза идет охота: его фирму пытаются отнять, а таинственный убийца присылает ему свои страшные трофеи. Что выберет Маред - исполнение мечты или безопасность, предательство или любовь к человеку, видящему в ней всего лишь игрушку? Внимание: вторая книга цикла "Подари мне пламя".

© Арнаутова Д., 2017

© Автор, 2017

ПРОЛОГ

Тик-так, тик-так... Серебряные стрелки старинных напольных часов замерли на двенадцати. Бом! Далеко за окном над Лунденом раздался первый удар колокола Большого Тома. Бим-бам! – вторили им часы... Полдень! Время ланча для деловых людей, а мастеровым и пообедать пора, они давно на ногах. Бом! Бом! Славься, город Лунден, сердце Империи! Процветай под мудрым правлением великой королевы! Бом...

Последний удар башенного колокола погас в душном летнем воздухе. Но в кабинете дорогой ресторации было прохладно, а приятный сумрак берег уставшие от безоблачного знойного дня глаза посетителей.

– Значит, вы уверены, что студентка нас не подведет?

Немолодой человек в темном форменном камзоле одной из важнейших государственных служб покрутил в пальцах бокал с вином, разглядывая его на свет. Поднес к лицу и вдохнул, оценивая букет благородного напитка.

– Исключено, ваша светлость, – почтительно отозвался его собеседник, не притрагиваясь к своему бокалу. – Тьена Уинни собирается делать карьеру в юриспруденции, и любой скандал для нее означает гибель всех надежд. Вот если бы она была актрисой, например, или дамой полусвета, фотографии с Монтрозом эту самую карьеру неплохо бы подтолкнули. Тьена бы нас еще поблагодарила.

Лэрд милостиво улыбнулся, оценив шутку.

– Ну, хорошо. А если эта провинциалочка перестанет ненавидеть Монтроза? Ненависть – штука эфемерная... У девиц она часто улетучивается, если негодяй хорош собой или не жаден. Александр кружил головы и не таким женщинам. Помнится... Впрочем, неважно. Если она в него влюбится?

– Тогда, ваша светлость, – ответил собеседник, – мы просто изменим подход. Если тьена Уинни не выполнит наши указания из мести и ради будущих выгод, мы объясним ей, что иначе пострадает сам Монтроз. Уверяю вас, любые чувства, которые провинциальная мышка начнет испытывать к Монтрозу, мы сумеем обернуть в свою пользу. Девушка достаточно умна, чтобы быть полезной, но совершенно неопытна в отношениях с мужчинами.

– А вероятность того, что она влюбится, вы тоже рассчитали? – усмехнулся лэрд, пригубив вино.

– О, ваша светлость, эта вероятность всегда равна одной-единственной пропорции, – позволил себе еще одну почтительную шутку собеседник. – Пятьдесят на пятьдесят. Либо влюбится, либо нет. Женское сердце, знаете ли...

Про себя он подумал, что вероятность данного исхода равна практически ста процентам, погрешностями можно пренебречь. Гораздо сложнее рассчитать, что Монтроз, при его характере и склонностях, сделает с девчонкой, которая его предаст? Ничего хорошего, можно ручаться.

– Вот в том и дело, – слегка поморщился лэрд, снова отпив из бокала. – Слишком много неопределенностей. Я понимаю, почему нельзя было использовать его фаворитку, она глупа и истерична. Понимаю, почему вы не сунулись к его любовнице из клуба – та, напротив, умна и слишком тесно связана с Монтрозом. Но зачем вообще использовать именно женщину? Что, больше ни у кого нет доступа к тому, что нам нужно? Его подчиненные, слуги в особняке...

– Слуги – слишком большой риск, что попадутся или что-то напутают. Экономка ему предана, как и единственный техник, имеющий доступ к нужной нам информации.

Собеседник лэрда в очередной раз вздохнул про себя, вынужденный объяснять столь очевидные истины. Все-таки его начальник в некоторых отношениях безнадежно отстал от прогресса, мысля категориями доастероновой эпохи и своей развеселой юности.

– Главная сложность в том, – продолжил он проникновенно, – что нельзя привлечь внимание самого Монтроза. Мы в безопасности, только пока он сам не помнит, каким сокровищем

обладает. Когда попытка просто купить его контору со всем содержимым провалилась, я вас предупредил, что это риск. Но тогда нам повезло, Монтроз слишком обожает свое детище, он даже предположить не смог, что его драгоценный «Корсар» нужен кому-то не сам по себе, а как обертка к чему-то другому. Если он поймет, что нам требуется...

– Тогда проблему можно будет решить иначе, – жестко сказал лэрд, и маска скучающего расслабленного аристократа на миг слетела с него, обнажив истинное нутро – хищного зверя, задремавшего, но в любой момент готового вцепиться противнику в горло.

– Это на самый крайний случай, милэрд, – тихо сказал его собеседник, преданно глядя в светло-голубые, словно выцветшие, глаза с красными прожилками – след не злоупотребления алкоголем, как считали непосвященные, а очередного покушения, на этот раз ядом. – Королевский стряпчий Монтроз не та фигура, которую можно убрать безнаказанно. У него в копилке столько тайн, что при любом намеке на их раскрытие половина Лундена кинется искать нового владельца своих секретов. А нам рано использовать этот козырь. Притом он любимчик королевы. Только Паучьей службы ее величества не хватает в нашей маленькой интриге. Нет, ваша светлость, умоляю вас! Можно покупать, грозить, шантажировать... Но только не убивать. Пока – не убивать.

– Не считайте меня дураком, милейший, – бросил лэрд, поднимаясь из кресла. – Я не хуже вас понимаю, что стоит на кону. Помните о сроках. Все должно закончиться к Лугнасаду. А если из-за Монтроза сорвется сами знаете что, нам обоим смерть покажется милостью.

– Я помню, ваша светлость, – прошелестел его собеседник, тоже вскакивая с проворством, удивительным при его солидном телосложении. – Все идет по плану, уверяю вас!

Проводив высокого гостя к выходу из кабинета, он вернулся к столу, одним махом выпил свое вино, как обычную воду, скривился. Неудачный год был для виноделия. Только такие зазнавшиеся снобы, как его светлость, поднявшиеся из грязи на волне Великого Взлета и купившие титул за несколько вагонов астерона, могут ценить вино за громкую марку, а не за истинные качества. Впрочем, это мелочи. Главное, что удалось убедить лэрда не торопить события. Сейчас начало лета, до Лугнасада еще почти два месяца. За это время хорошенькая провинциалочка принесет им искомое, как обученная цирковая собака. Его светлость – идиот. Вещь можно украсть, и она будет принадлежать новому владельцу. Опасность знаний в том, что их можно копировать, и каждая копия обладает все тем же смертельным действием. Ничего, если к Лугнасаду все разрешится в их пользу, то еще через пару месяцев, к Мабону, его светлость сам окажется на таком прочном крючке у своего скромного помощника, что не сорвется никогда.

– Ах, милая-милая тье Уинни, – сказал он вслух, заглядывая в пустой бокал. – Скромная вдовушка. Провинциальная глупышка, мечтающая о карьере стряпчего. Ну кто мог знать, что один из блистательнейших кавалеров Лундена клюнет на такое забавное существо?

* * *

Стук в дверь был негромким, но очень настойчивым. Достаточно долгим, чтобы Маред проснулась, приподнялась, встряхнув головой, и поняла, что лежит в своей постели. Ах да, она же уснула здесь вчера после того, что было в ванной.

– Войдите! – откликнулась она, ожидая горничную.

– Ваш утренний кофе, тье, – послышался мужской голос, и Монтроз собственной персоной нахально вошел в ее комнату. Одетый в легкий шелковый халат, с еще влажными после купания волосами, лэрд королевский стряпчий выглядел расслабленным и довольным жизнью.

Окинув взглядом Маред и одеяло, которое она натянула почти до носа, лэрд сообщил:

– Вы удивительно сладко спите, я стучал минуты три.

– А вы решили исполнить роль горничной, ваша светлость? – настороженно съязвила Маред, следя за мужчиной. – Я не пью кофе в постели.

– В самом деле? – удивился лэрд. – Почему?

В его руках действительно была чашка. Белоснежная, изящно-хрупкая, дымящаяся. Пахло от нее так, что Маред невольно сглотнула слюну.

– Предлагаю обмен, – весело предложил Монтроз. – Вы дегустируете новый сорт, сваренный тье Эвелин специально для вас, а я сажусь рядом и развлекаю нас обоих светской беседой. Ну что вы вцепились в одеяло? Я и так прекрасно помню, что вчера вы легли без ночной рубашки.

Не дождавшись разрешения, он присел на кровать, закинув ногу на ногу, и протянул Маред чашку.

– Вы говорили, что это моя комната! – возмущенно выпалила Маред, не притрагиваясь к кофе.

– А разве нет?

Убедившись, что вытаскивать руки из-под одеяла она не собирается, лэрд вздохнул, поставил чашку на подоконник рядом с изголовьем кровати и развернулся к Маред. Кофе благоухал на всю комнату, и Маред снова сглотнула слюну, но упрямо отвернулась. Корица, кардамон, еще что-то...

– Я ведь могу просто пригласить вас к себе в спальню, – сказал Монтроз негромко и подозрительно мягко. – По условиям нашего договора вам придется встать, накинуть что-нибудь... Или даже не накидывать – так будет гораздо забавнее. Раз уж вам не нравится мое присутствие здесь – продолжим там. Хотите?

– Что вам нужно?

Маред попыталась отодвинуться к стене, но кровать была слишком узкой. Зато Корсар сразу сел ближе, словно она нарочно освободила ему место.

– Чтобы вы перестали выпускать иголки хоть ненадолго. Я всего лишь принес вам кофе. И честно собирался этим ограничиться. Но теперь, моя дорогая тье, мне и вправду стало интересно.

Закусив губу, Маред смотрела, как его рука тянет одеяло за край, снимая его, и ничего не могла сделать. Монтроз в своем праве. Да, это ее комната, но если она выставит его сейчас, лэрд просто позовет ее в спальню. Прохладный воздух облил ее, как вода, с головы до кончиков пальцев рук и ног...

– Так я и думал, – улыбнулся лэрд, глядя на нее, словно кот, играющий с мышкой пока еще мягкими лапами. – Вы прелестно смотрите спросонья. Такая милая, растрепанная, теплая и разомлевшая. Но вот просыпаться совершенно не умеете. Пожалуй, кофе в постель мы введем в ранг обязательного действия. Как и кое-что другое. Подвиньтесь еще немного, будьте милой девочкой.

– Разве вы не спешите на работу? – прошептала Маред, с тоской понимая, что надо было соглашаться на кофе и попробовать заболтать его светлостью какими-нибудь женскими глупостями – а теперь поздно.

Подвинувшись к самой стене, она снова попыталась укрыться, но Монтроз отпихнул одеяло подальше и лег рядом. Маред кинуло в жар. Она лежала совершенно голая, а шелк халата не скрывал ни одного изгиба тела Монтроза. Если кто-нибудь войдет... И вообще – что он собирается делать? То, что не успел или не захотел вечером?!

– Разумеется, спешу, – согласился королевский стряпчий, проводя ладонью по ее боку от груди до талии. – И вскоре мне придется вас покинуть. Но не прямо сейчас. Что вам снилось?

– Не помню.

Медленно и откровенно его ладонь вернулась вверх, погладила одну грудь и перешла к другой. Маред стиснула зубы – от сонливости не осталось и следа. Внизу живота от уверенных ласк Монтроза стало горячо, в щеки бросилась кровь, и соски напряглись с вызывающим бесстыдством. Хуже всего, что лэрд прекрасно это видел.

– Утро – лучшее время дня, – шепнул он, поглаживая ее плечи и шею, потом проводя пальцами по щеке Маред. – Не бойся, никто не войдет, пока я не позвоню. Может, заставишь меня опоздать?

– Ну что вы... – выдохнула Маред, отчаянно пытаясь отвлечься. – Вам этого нельзя, вы же начальник. С вас берут пример!

Лэрд хмыкнул, прижимаясь еще теснее, и сказал все так же весело:

– Какая ты молодец, девочка! Очень правильное понимание роли начальника. Тогда постараюсь побыстрее. Колени раздвинь.

Вспыхнув до ушей, Маред подчинилась, попытавшись отвернуться, но лэрд не позволил. Просунул руку, на которую облокотился, под шею Маред и мягко, но неумолимо повернул ее лицо к себе. Другой рукой погладил ее живот и бедра. Наклонился, и поспешно зажмурившаяся Маред почувствовала на губах его теплые сухие губы. По спине пробежали мурашки даже сильнее, чем от ласк внизу, которые Монтроз и не думал прекращать. Глядя ее бедра внутри, он пока не трогал самое сокровенное место, но подбирался к нему все ближе легкими уверенными движениями. А потом негромко сказал:

– Поцелуй меня. И будь добра, по-настоящему, а не чтобы отделаться.

Изнывая от стыда, Маред неловко потянулась, уговаривая себя, что ничего нового в этом нет. Она ведь целовала Монтроза, и даже не раз... Внизу, где ее ласкали бесстыдные пальцы, уже разгоралась томная сладость возбуждения. Маред осторожно ткнулась губами в рот Монтроза, стараясь, чтоб не вышло слишком поспешно, и понимая, как глупо это выглядит.

– Обними, – подсказал ей невидимый из-за плотно прикрытых век лэрд. – Положи руки на плечи. Давай, девочка. Вот так... И колени согни.

Маред повиновалась, желая только, чтобы это быстрее закончилось. Неужели все-таки потребует отдаться ему прямо сейчас? Ну да, а чего он еще может захотеть от обнаженной женщины, которую держит в объятиях?

Она неловко и скованно от смущения закинула руки на горячие твердые плечи лэрда, погладила их, слегка согнула колени, чувствуя себя ужасно глупо и пошло. Покраснела еще сильнее, хотя казалось, что больше просто некуда. Судорожно вздохнула, когда чуть шершавые пальцы скользнули в ее увлажнившееся лоно и снова вернулись к самому входу в женское естество, трогая, глядя, касаясь и дразня. Монтроз ласкал ее умело и бесстыдно, пользуясь откровенностью позы и при этом отвечая на поцелуй, по сравнению с тем, что творилось внизу, совершенно целомудренный.

От этого контраста хотелось то ли вжаться в постель, уклоняясь от бесстыжей руки, то ли податься ей навстречу, раздвинув ноги еще сильнее.

– Так, девочка, хорошо, – шепнул Монтроз, оторвавшись от ее губ и проходя цепочкой легких поцелуев от уголка рта и по щеке к виску. – Нравится? Утро должно начинаться приятно. Может, покажешь, как ты любишь? Сама...

Маред испуганно мотнула головой. Тронуть себя там? Только не это!

– Трусишка... – насмешливо протянул лэрд. – Ладно, оставим на будущее. Ты сейчас такая красивая, что жаль портить удовольствие. Тогда просто посмотри на меня. И не смей закрывать глаза. Если закроешь, мы все-таки опоздаем, потому что тогда я тебя возьму по-настоящему.

А пока он не собирается? Маред поспешно распахнула ресницы. Взглянула в мучительно близкое лицо: серебряный расплав зрачков, тяжелые веки, узкие губы. Уже настолько знакомое лицо, что если бы умела, нарисовала бы по памяти каждую морщинку в уголках глаз и рта. И совершенно непонятное при этом, непредсказуемое. Вот о чем сейчас думает Монтроз? О ней, Маред? Или о работе? Или еще о чем-то? Глаза – непроницаемое серебро.

– Вот так, да, – согласился лэрд, вытворяя пальцами что-то невообразимое, а ведь всего-то начал гладить по кругу, нажимая в какое-то место, от которого словно посыпались искры удовольствия. – Не отводи взгляда, девочка моя. И руки не убирай. Колени – шире...

Едва сдерживаясь, чтобы не стонать, Маред вжалась спиной в постель, приоткрыв рот, задыхаясь от тягучих томных волн, заставляющих подаваться вперед. Стыд, не исчезнув, переплавился в особенно острое и горячее наслаждение, и Маред невольно дышала в одном ритме с движениями чужой руки, не отрываясь от пьяного взгляда напротив, утопая в нем и с жарким изнеможением понимая, что стоит лэрду захотеть большего, он это просто возьмет – и Маред не воспротивится.

Нет, она по-прежнему не хотела принадлежать королевскому стряпчему! И скажи сейчас Монтроз, что их контракт расторгнут, Маред бы убежала из особняка пешком, едва натянув свое старое платье. Но прямо сейчас все стало совершенно неважным, кроме восхищенных глаз напротив и капельки пота на виске ласкающего Маред мужчины, прямо на бьющейся тонкой голубой жилке. Да, лэрд был и оставался извращенным негодяем и мерзавцем, но он хотел Маред, как никто и никогда ее не хотел, и это искреннее яростное желание будило в самых глубинах естества что-то темное и непристойно желанное...

И в какой-то момент жаркий сладкий прибор, прокатывающийся по телу, все-таки накрыл ее целиком, смывая остатки стыда. Глухо вскрикнув, Маред подалась навстречу, ткнулась лицом в горячий камень мужского плеча, сцепив пальцы на спине лэрда, задыхаясь и млея в горячей волне, бьющей из глубины ее собственного тела. Пальцы свободной руки Монтроза впелись ей в волосы, властно потянули голову назад, и Маред покорно раскрыла губы, подставляя их под поцелуй, дыша запахом чистого мужского тела, смешанным с запахом кофе. Рассудок терялся от такого сочетания!

– Понравилось? – голос отстранившегося Монтроза был ровным и почти равнодушным, не вяжущимся с явным возбуждением.

Маред невольно облизнула губы, с тоской думая, что врать – глупо.

– Нет, – упрямо сказала она.

– Тогда скажи «благодарю, милэрд», – так же равнодушно предложил Монтроз, садясь на постели. – Раз уж не хочешь благодарить, как любовница, поблагодари, как прислуга.

Ну почему? Почему ему нужно было все так испортить? Парой слов свести все к пошлости и гадости куда сильнее, чем любой непристойностью до этого!

– Премного благодарна! – прошипела Маред, сбрасывая томное расслабление. – Правда, я вас об этом не просила! Но все равно очень благодарна! Пустите!

Она зло уставилась в лицо Монтроза, насмешливо и холодно скривившего губы.

– Милэрд, – скучающе напомнил стряпчий. – Это нетрудно, просто повтори.

– Благодарю, милэрд, – процедила Маред, отворачиваясь. – Можно мне теперь посетить ванную?

Ее трясло от ненависти и отвращения, причем не к Монтрозу, а себе недавней, разомлевшей, покорной, растаявшей. К тому безвольному существу, жадно ловящему внимание и ласку, словно это что-то значило и для нее, и для лэрда стряпчего. Одно хорошо: всякая тень удовольствия исчезла, растворилась в нахлынувшем омерзении.

– Можно, – безмятежно согласился Монтроз, откидываясь на подушки. – Только потом вернись сюда.

Прищурившись и закинув руки за голову, он следил за Маред, пока она торопливо куталась в просторный длинный халат.

Когда она яростно, до красноты, оттерлась под горячей водой и вернулась, Монтроз все еще лежал на кровати. А в комнату явно заходила горничная. Чашка с подоконника исчезла, но на столике у кровати стоял поднос с завтраком. Гренки с маслом и джемом, кофе – другой,

обычный, сладости... Маред замерла у кровати, исподлобья глядя на Монтроза и раздумывая, как бы вежливо уклониться, – завтракать в компании лэрда стряпчего ей совсем не хотелось.

– Садись и ешь, – сказал тот обыденно, будто ничего и не было между ними, и постель смята просто от беспокойного сна. – Характер уже показала, теперь можешь расслабиться. Надеюсь, на вечер силы и настроение остались?

– Остались, – с вызовом буркнула Маред, не подходя к кровати. – Но позвольте напомнить, что если вы можете решать, опаздывать вам на службу или нет, я такого удовольствия пока лишена.

– Я помню, – улыбнулся лэрд. – Не беспокойся, мы успеем. Я действительно разбудил тебя слишком рано, девочка.

Он встал и прошел мимо Маред к двери, не обращая внимания на халат, прихваченный только поясом и распахнувшийся, обнажая грудь и ноги.

– У тебя еще есть время, – бросил на ходу. – Позавтракай и одевайся, я буду ждать у мобилера.

Только когда шаги в коридоре окончательно затихли, Маред в изнеможении снова села на кровать. Было стыдно за все, что здесь произошло. А еще до глупых слез обидно за прекрасный кофе, который горничная унесла нетронутым. Тье Эвелин обидится, наверное... Или нет. Все равно – утро испорчено. Чтоб его светлости провалиться!

Но как же он это делает? И неужели так может быть всегда, как только захочешь? Почему же Эмильен никогда...

Маред приложила ладони к горячим щекам и с тоской посмотрела на завтрак. Вдруг она все-таки успеет теперь поесть? Хотя бы кофе выпить...

ГЛАВА 1. Тени прошлого

Когда-то, на заре общего предприятия, была у них с Мэтью подцепленная неизвестно откуда присказка: если долго не занимаешься делом, дело начинает заниматься тобой. «Боуги знает чем оно начинает заниматься», – уточнял Мэтью, неспешно разгребая накопившиеся неурядицы. Он все делал медленно и с незыблемой надежностью, подолгу обдумывая, просчитывая и отмеряя не семь раз, как советует пословица, а все семьдесят семь.

Алекс же метался по поставщикам и клиентам, не расставаясь с фонилем ни на минуту, держа в памяти десятки, если не сотни, номеров, адресов и связей, лавируя в море пересечений нужных людей и служб. И при этом всегда знал, что Мэтью прикроет ему спину, взяв на себя чудовищный груз уже отлаженной ежедневной работы. Зато там, где нужно было думать на бегу, протискиваясь в случайные щели и ловя такие же случайные возможности, равных Сутяге Алексу, тогда еще не Монтрозу, не было.

Однажды, не посоветовавшись с Мэтью, – решать пришлось на месте и мгновенно – Алекс вырвал из пасти у конкурентов сказочно выгодный контракт. Вырвал, сам шалея от собственной наглости: их крохотная транспортная конторка должна была из кожи вон вылезти, чтобы забрать срочный груз, застрявший в аравийском порту. В морских перевозках оба ни баргеста не разбирались, но Монтроз хотя бы с детства бредил морем, да и по-аравийски мог объясниться кое-как. В основном, конечно, ругательствами, что еще можно выучить у докеров и моряков?

Поэтому в Эль-Магриб отправился он, пока Мэтью на берегу выбивал перевозку по железной дороге: дело хлопотное, но уже знакомое. Несколько суток Алекс дневал и ночевал в прокаленном солнцем порту, выцарапывая груз. Изучал и подписывал бумаги, совал деньги всем, кто отвечал за передачу, а затем срывал голос на грузчиков, мешая бриттскую ругань с аравийской, и сам помогал таскать увесистые ящики... Затем он две недели спал в пропахшем ядреным мужским потом кубрике, мылся соленой водой, ел вместе с матросами пайковую солонину, запивая дешевым слабеньким вином, слушал морские байки и сам рассказывал о жизни в Лундене.

И довел все-таки, дотащил старенький, набитый под завязку сухогруз до нужного места – а там его уже ждали те самые конкуренты, резонно рассудив: к чему трепыхаться раньше времени, ведь наглый юнец и так везет груз именно туда, куда надо. Мэтью должен был приехать из Лундена утром, сухогруз пришел в порт накануне вечером, и Алекса спасли те самые моряки, у которых он за время пути стал своим, не хозяином, а таким же, как они, обычным парнем, отчаянно пытающимся выжить в хаосе Большого Взлета.

Это они, углядев на пирсе крепких ребят с обернутыми кожей дубинками, подняли тревогу и помчались выручать лунденца, не думая, что чужой товар не стоит их жизнью. Потом, вспоминая ночь, разрезанную прожекторами и воем корабельной сирены, что врубил капитан, Алекс понимал, что и жизнью, и спасением проклятых контейнеров обязан простым работягам с раздолбанного, отслужившего свой век сухогруза. Тем, кто прикрыл его собой от наемников, пока Алекс с холодной ясной тоской думал, что если ему сейчас открутят голову и заберут груз, Мэтью придется платить неустойку, которая похоронит контору.

А утром приехал Мэтью с бумагами и охраной, и Алекс, до рассвета хлеставший со своими спасителями бренди под все ту же разогретую на спиртовке солонину, встретил его на пирсе. Корриган только хмыкнул, напоказ втянув ноздрями воздух, протянул: «Ну, корсар...», увесисто хлопнул его по плечу могучей лапицей и отправил отсыпаться. Груз ушел по назначению, и Алекс, уезжая, оставил на сухогрузе сверх оговоренной платы все наличные, что смог выгрести у себя и Мэтью. Потом в Лундене серьезные люди выразили неудовольствие такой прытью двух оборванцев из Западного района, но это уже было делом Мэтью – разбираться с подобным, Алекс же снова искал очередные контракты. И все шло как надо, и через год-два «Виадук» уже был хорошим, крепким именем в перевозках.

Вот тогда Алекс и сказал, что уходит. Что хочет заниматься тем, к чему лежит душа, а не тем, что только кормит. Мэтью понял, он давно ждал этого, видя, как партнер каждую свободную минуту сидит с книгами, ездит в Университет и выматывается до черных кругов под глазами, пытаясь совмещать частные уроки и работу. Понял – и не обиделся. Они полюбовно разошлись, Мэтью честно и в срок выплатил его долю, пусть и постепенно. И никогда не узнал, что была еще одна причина, по которой Алекс решил держаться от лучшего друга подальше.

Причину звали Маргарет. Ясноглазая тоненькая смуглая валлийка улыбалась так, что для Алекса вечно пасмурный Лунден сиял, как знойный Эль-Магриб. Только вот улыбалась она не ему. На свадьбе Маргарет и Мэтью Алекс был почетным гостем – разумеется. И восприимчивом их единственного сына. У него на глазах Мэтью с Маргарет прожили пять завидных лет. Алекс приходил к ним отмечать праздники, баловал маленького Виктора, сорванца и всеобщего любимца. Видел счастье в глазах Маргарет, отчаянно похорошевшей после родов, и сам был счастлив горько-сладким счастьем отречения. Совесть его была чиста: он бы лучше умер, чем бросил тень разлада между двух самых дорогих ему людей.

А через пять лет, когда Алекс уже крепко стоял на ногах и привычно отшучивался на вопросы, когда осчастливит какую-нибудь девушку предложением, Мэтью Корриган похоронил жену. Внезапная и быстротекущая болезнь крови. Лучшие целители, человеческие и эльфийские, только глаза отводили – что-то там было безнадежное в диагнозе... И солнечно-лучистая небесноокая Маргарет сгорела за пару месяцев: превратилась в тень, а потом тихо ушла, в одном из последних разговоров попросив Алекса присмотреть за ее непутевыми мужчинами. Алекс, старательно и умело улыбаясь, обещал присмотреть, пока она не вернется из больницы, ведь обследование – это сущие пустяки! И она, всегда и все понимающая, тоже улыбнулась с теплой и нежной благодарностью.

Мэтью больше не женился – и Алекс его понимал. Привести кого-то в дом после Маргарет? Для него это тоже было бы кошунством. Впрочем, женщины у Корригана были, конечно. Только ни одна не смогла ему родить, и вторым ребенком Корригана стал его «Виадук», как единственным у Монтроза – «Корсар».

Теперь, годы спустя, странно, сколько воспоминаний может вызвать расхожая фразочка о делах. Алекс отпил горячего сладкого чая, облокотился о перила балкончика, глядя на влажные клумбы под окном, ловя последние спокойные мгновения перед выездом на работу, и невольно задался вопросом, что сейчас делает Мэтью? Вот так, через годы дружбы, почти родства... как он мог? Какая прибыль стоит того, что было между ними? Редчайшего, бесценного чувства, что рядом есть человек, на которого можно положиться во всем.

Помнится, милая тье Уинни спрашивала, как Алекс поднимался вверх. Вот так и поднимался, вырывая каждый шанс взобраться еще хоть на ступеньку. Но это все слова, а как рассказать про темный жаркий азарт, когда удачная сделка висит на волоске и лишь от тебя зависит, вытянешь ли ее? Как рассказать хотя бы про ту ночь на пирсе?

Алекс поставил чашку на широкие перила, повернул руку ладонью вверх и всмотрелся в белую сетку мелких шрафиков, исчертивших ее нижний край у самого запястья. Это уже было потом, почти перед самым уходом из «Виадук». Хлопотная выдалась погрузка, не проще той, эль-магрибской. Только рядом был Корриган. Алекс тогда сдуру схватился за металлический трос, и тот, дернувшись, изорвал кожу ладони в лохмотья. В первые мгновения показалось – не больно, затем хлестанула кровь, руку обожгло, а во рту стало горячо и сухо. Когда все закончилось, Мэтью промыл ему руку все тем же неизменным бренди, ругая по-черному за тупость – разве можно хвататься за трос, как дитя малое – Алекс же только глупо улыбался, и перед глазами плавали цветные круги, а ноги дрожали от запоздалого страха.

Он сделал еще глоток уже остывшего чая, покатал на языке пахнущую ликером жидкость. Когда-то казалось: вот разбогатеет – и станет есть только сладости, таким недостижимым удовольствием они были в приюте. Разбогател и быстро наелся. Но привычка и любовь к сладкому чаю остались, как и уверенность, что он получит все, чего по-настоящему захочет. От особняка и мощного «Драккаруса» до подарка ко дню рождения – смуглой голубоглазой девчонки, что сейчас яростно ненавидит его, завтракая у себя в комнате.

С подарком, кстати, не все было ладно. Вчера вечером девочка так и отказалась от ужина, только пролепетала что-то неразборчивое на попытку ее разбудить и замоталась в одеяло, как гусеница в кокон. Для молодой здоровой девушки так устать после почти невинного развлечения в ванной комнате – странно. Впрочем, нет, это он сглупил. Ясно же, что девочка просто вымоталась за годы непрерывной тяжелой работы. Сколько там она написала этих проклятых дипломных работ? И наверняка отказывала себе во всем. Знакомая история...

В кармане тренькнул фониль, сообщая о письме. «Доброе утро, милэрд, и хорошего вам дня». Что это с Незабудочкой? Проснуться так рано – да проще предположить, что Флория и вовсе не ложилась. Алекс нажал кнопку вызова.

– И тебе доброе утро, моя прелесть.

Незабудка, вряд ли ожидавшая звонка, восторженно защебетала, и Алекс поморщился от неожиданного чувства вины. Нежная, ласковая, так искренне покорная и наслаждающаяся этим... Пожалуй, Флория с ним далеко не только ради денег, уж это он определить мог. Но как же с ней... скучно. «Именно скучно», – понял вдруг Алекс, откликаясь на милую болтовню фаворитки, что-то отвечая сам и не особо вдумываясь в смысл разговора. Все, что могла сказать Незабудка, он знал и так: очередная вечеринка, где она блистала, новая коллекция платьев от дорогой модистки, немножко сплетен... Все мило и простенько... Или нет? Словно неверная нота, какое-то слово в потоке щебета прозвучало фальшиво – и Алекс насторожился. О чем это Флория? Серия камерографий? У тьена АрМоаль? Того самого? Ах, тьен Венсан сам предложил? И уже Венсан, просто по имени?

– Ты согласилась? – поинтересовался он.

– Нет, милэрд, – томно откликнулась Незабудка. – Без вашего разрешения? Как я могла?

– Вот и хорошо. Ничего пока не обещаю, моя прелесть. И не встречайся с тьеном АрМоалем без меня. Поговорим, когда увидимся.

– Да, мой повелитель, – игриво и жарко выдохнула в трубку фонилия Незабудка, услышав обещание. – Я буду ждать...

И стоило бы действительно с ней встретиться и порадовать вниманием, только где взять время? Сегодня он обещал тье Уинни визит в школу вождения мобилеров. А потом обещал ей же еще кое-что – и при одной мысли об этом в паху сладко потянуло от предвкушения. Но Незабудка...

Алекс поморщился, глотнул совсем остывший и потерявший вкус чай. С Незабудкой – как с этим чаем – все остыло. Так ли нужно допивать выдохшийся напиток, пусть и сладкий, с любимым ликером, если можно заварить свежий, ароматный и горячий? Только вот Флория все же не чашка чая и не вещь, сколько ни сравнивай ее со статуэткой.

Оба обещания – учеба вождению и вечерние развлечения – выполнить не удалось, так уж сложился день. Алекс, разумеется, отвез хмурую и настороженную Маред на службу, снова заблаговременно высадив подальше от конторы. Сам же поехал в полицейское управление, разыскивать детектива, ведущего дело об убийстве в «Бархате». Однако доблестного служителя закона на месте не отказалось, его не менее доблестные коллеги только руками разводили, и на звонки по фонилию детектив тоже не отвечал. Судебный эксперт пока ничего определенного сказать не мог, и Алекс только напрасно потерял время. Да и вообще, дело по поводу взрыва еще не завели по всей форме, и были все основания надеяться, что его признают несчастной случайностью. Тоже ничего приятного для респектабельности заведения, но все же сущие пустяки по сравнению с убийством. А вот если не признают...

Выруливая на бульвар Принцессы ап Гилмаринен, Алекс мрачно думал, что совершенно неясно, кто и чего добивается подобными играми. Со взрывом астерона все по чистой случайности обошлось без жертв. Убивать людей, чтобы испортить репутацию клубу, который сам же хочешь купить? АрМоаль не похож ни на безумца, ни даже на обычного дурака. И зачем ему именно «Бархат»? Опытный ресторатор не может не понимать, что душа «Бархата» – Анриетта, лишившись ее, клуб утратит большую часть очарования. Да, это неплохое коммерческое вложение, но посетители клуба для удовольствий – очень капризная клиентура, больше всего ценящая безопасность и внимательный подход к нуждам и желаниям каждого. АрМоалья же в Лундене пока не знают, и репутацию ему придется создавать почти с нуля.

Алекс включил ветрогон: начиналось время духоты. Свернул с бульвара, пропустив роскошный экипаж со смутно знакомым гербом – две лошадки в нарядной сбруе процокали мимо, качая султанчиками. Важный кучер в раззолоченной ливрее не удостоил мобилер Монтроза даже взглядом, но из окна кареты выглянула хорошенькая девица и тут же, манерно прикрыв личико веером, спряталась обратно. А Алексу вспомнился искренний и трогательный восторг в глазах тье Маред, впервые севшей за руль мобилера.

Он невольно улыбнулся воспоминанию. Кто бы мог подумать, что смешную провинциальную девочку покорят не дорогие наряды, а скорость и мощь механического экипажа! Почему-то это было очень приятно. А еще хотелось бросить душный летний Лунден и увезти Маред Уинни в Шарин-Шахр, в гости к Сармади. Катать ее на легком белокрылом паруснике, чтобы соленый мокрый ветер дул в лицо, любоваться украдкой, а потом улучшить момент и подхватить губами капли воды со смугло-золотистой кожи. Девочке на диво пойдут аравийские одежды, в цветных и белоснежных шелках она будет прекрасна, как сказочная пери. А еще можно отправиться с ней в знаменитые подводные пещеры, где шейхи-владыки города выстроили в толще воды галереи из чистейшего толстого стекла – новое чудо света – и их гости могут увидеть чудеса подводного мира. Алекс помнил, как впервые увидел эти пещеры – ожившую сказку. Девочке понравилось бы!

Но об этом пока приходилось только мечтать. А еще – браться за баргестовы дела, пока они и в самом деле не взялись за нерадивого лэрда стряпчего. И потому Алекс поехал в мэрию, потратив еще пару драгоценных часов на дорогу и разговор с помощником мэра, от кото-

рого требовалось только одно: не мешать «Корсару» заключить контракт с франкской фирмой, решившей вложить капитал в крупный британский страховой дом. Причем Алекс подозревал, что франки этот страховой дом собираются постепенно купить, а значит, работать с ними предстоит долго и, даст Луг, взаимовыгодно. Франков «Корсар» тоже устраивал, и камнем преткновения была только мэрия, желавшая участвовать в дележе еще не полученных дивидендов.

Алекс, напротив, не собирался подпускать чиновников к основной прибыли, разве что однажды купить их благосклонность... Именно это и мог устроить лэрд Макмиллан, человек невероятного влияния и твердых коммерческих принципов, чей внучатый племянник пришел в «Корсар» на стажировку. В итоге дело решилось одним звонком в лунденскую резиденцию Макмилланов, после чего Алекс вернулся в кабинет ставшего необычайно любезным помощника мэра и спокойно подписал с франками договор о сотрудничестве, пообещав первые разработки через две недели.

Двух недель для такого масштабного проекта было бессовестно мало, так что Монтроз уточнил: почтенным клиентам покажут первоначальную концепцию юридического сопровождения инвестиций, зато не один проект, а несколько, чтобы было из чего выбрать.

В контору он вернулся как раз к обеденному перерыву. Нарочно прошел через кофейню, надеясь увидеть там тье Уинни, и угадал: девчонка с пустым подносом в руках мялась у прилавка, а рядом вился фатоватый хлыщ с неприятной улыбкой, смазливый и похожий на рекламу мужского парфюма. «Тоже из практикантов, – вспомнил Алекс. – Что ж, вполне естественно. Тье Уинни хороша собой, а теперь, в приличном платье и правильно причесанная, вовсе превратилась в чрезвычайно эффектную особу. Неудивительно, что она нравится мужчинам. Более того, это правильно»... Но настроение все же испортилось.

Поднявшись к себе, Алекс вызвал главу контрактно-корпоративного отдела Кормака Даффи и отдал ему документы по франкам, велел объявить конкурс на разработку проекта. Все как обычно: документы в свободном доступе внутри отдела, заявки на участие и работа хоть парами, хоть по несколько человек, хоть лично, если – Алекс подчеркнул это с должной долей небрежности – найдутся такие смельчаки. Как там, кстати, практиканты? Если молодой Макмиллан решит участвовать, следует уделить юноше как можно больше внимания – проект находится под покровительством его клана. Ну, и остальным новичкам тоже, конечно...

Когда дверь за Кормаком закрылась, Алекс немного посидел, облокотившись на стол, упираясь подбородком в сплетенные пальцы рук и глядя в окно. Что его так разобрало? Не собирается же он запереть тье Уинни в клетку без возможности общаться с противоположным полом? Мир стряпчих – это мир мужчин, а девушке следует обзаводиться полезными знакомствами, и лишить ее этого – подло и глупо. Главным образом – глупо. И совершенно неясно, откуда вообще взялось подобное желание: ему всегда было безразлично, с кем проводит время Флория или фаворитки и любовницы до нее. Лишь бы не болтали лишнего и не делали особых глупостей. Но Маред...

Алекс поморщился, и тут зазвонил фониль. На экранчике высветился не подписанный именем номер, прекрасно известный наизусть. Алекс поднес трубку к уху, почти радуясь возможности отвлечься от мыслей о Маред Уинни.

– Хорошего дня. Как дела?

– Да вот, – донесся из трубки безмятежный голос Кон Аннуина. – Подумал пригласить тебя выпить пива. Как отнесешься?

– Всегда рад, – отозвался Алекс, ничуть не покривив душой. – Когда?

– Когда сможешь, – усмехнулся Сид. – Подозреваю, у вашей светлости время расписано по минутам?

– У меня три свободных часа прямо сейчас, – с деланным возмущением отозвался Алекс, глянув на список дел в ежедневнике. – В парке?

– Подходит, – с той же ленцой согласился Сид. – Жду.

Парк для встреч они выбрали давным-давно, а имена и названия по фонилу Сид вообще никогда не называл, и Алекс привычно соглашался с мнением того, кто в этом деле понимал лучше. Береженого боги берегут. «А небереженого в тюрьме стерегут», – добавляли обычно его клиенты из прошлой жизни. И тоже были правы.

Когда Алекс добрался до парка, Сид уже ждал его на любимой скамейке с неизменной бутылкой в руках. И выглядел со стороны обычным, ровно ничем не примечательным горожанином средних лет без капли нечеловеческой крови. Так, мелкий клерк, выбравшийся ненадолго выпить пива с приятелем. Может даже из-под крыла супруги и подальше от выводка детишек: было в рабочем облике Сида что-то этакое, неизменно уважаемое и добропорядочное. Полиция, например, к нему никогда не цеплялась, словно не замечая.

– Холодное? – уточнил Алекс, присаживаясь рядом и забирая свою бутылку, протянутую Сидом.

– Ты бы еще к вечеру приехал. Погребка здесь нет...

Но пиво, несмотря на ворчание Сида и летнюю духоту, от которой не спасала и парковая тень, оказалось холодным.

Алекс потянул волоконец вяленой трески, лежащей между ними на бумажном пакете, кинул в рот, прожевал и сделал первый, задающий тон всем последующим, глоток. Горьковатый темный эль скользнул вниз мягко и правильно, оставив послевкусие, мешающееся с соленым вкусом рыбы. Отхлебнув еще раз, он покатал жидкость на языке, смакуя, проглотил, откинулся на спинку скамьи и выдохнул:

– Хорошо как, Лугом клянусь! Где ты такой эль берешь? Сколько раз покупал эту же марку – а все не то.

– Значит, не в той компании пил, – хмыкнул Сид, тоже отхлебывая из бутылки. – Или не в том настроении. Правильный эль требует уважения и должного расслабления души. Хотя можно поспорить, что является первичным: пиво или расслабление.

– Да ты философ, – лениво отозвался Алекс, наслаждаясь редким моментом спокойствия и зная, что торопить бесполезно: Сид расскажет, что и когда сочтет нужным, и чем меньше упорствуешь, тем быстрее наступит данный момент. – Проповедник дрожжей и солода.

Сид улыбнулся, извлекая из кармана ключ-камень:

– Что ж, истину можно искать где угодно, почему бы и не в солоде? Прости, Алекс, мне нечем тебя особо порадовать. Кое-что я вынюхал, но совсем мало. Да и то все мутное.

– Ну, выбирать не приходится, – пожал плечами Алекс, глядя на блеск реки в просвет между деревьями.

– Тоже верно.

Отставив пиво, Сид откинулся на спинку скамьи, по-прежнему выглядя совершенно разморенным жарой. Продолжил неторопливо:

– По темным дорожкам за твоими работниками я погулял, но не нашел ничего особенного. Это не значит, конечно, что они образец добродетели. Там, на камне, сам посмотришь. Кто-то тайком от законной супруги содержит молоденькую фаворитку, кто-то всерьез и часто заходит в игорный дом. Вроде бы мелкие слабости, но использовать их может кто угодно. Сам понимаешь...

– Понимаю, – согласился Алекс. – Сид, а есть ли что-то такое, о чем я должен был узнать от начальника охраны своей конторы, а не от тебя?

– Да, пожалуй, и нет, – подумав, признал полуэльф. – Ничего особенно грязного или опасного. Если он у тебя держит дела и людей под присмотром, то все в пределах допустимого. А вот с Корриганом сложнее. Я верно понял, что это твоя главная забота на сегодня?

– Верно, – тихо согласился Алекс, невольно подбираясь. – Что насчет него?

– Почти ничего. Корриган твой – зверь пуганый, осторожный, к нему так просто не подбаться. Охрана у него не хуже твоей, а то и лучше. Но есть слуги и клерки... В общем, проскользнуло мимо меня, что у Корригана есть женщина, которую он прячет.

– Зачем? – искренне удивился Алекс. – Или дама замужем?

– В том-то и дело, что нет. Совершенно свободная особа. Только вот работает то ли в «Корсаре», то ли на Корсара. А ты и твоя контора – один баргест, сам понимаешь.

– Это точно? – помолчав, спросил Алекс и сделал глоток, чувствуя, как моментом выдохлось пиво, потеряв всю свою прелесть. – Что про нее еще известно?

– Это точно, – негромко уронил Сид, крутя в пальцах пустую бутылку. – И больше пока не известно ничего. Разве что денег на свою пассивку тыен Корриган не жалеет, а дама предпочитает в качестве подарков драгоценности. Собственно, в ювелирном магазине я этот след и взял... И еще неизвестно, что их связывает, кроме постели. Может, она с Корриганом только роман крутит, а контора ни при чем. Хотя вряд ли...

– Вряд ли, – согласился Алекс. – Давай подумаем... Женщин у меня в фирме не так много. А привлекательных еще меньше. Разве что секретарша какая-нибудь? Вот среди них много молодых и хорошеньких.

– Молодая и хорошенькая скорее охотилась бы на наряды, – заметил Сид. – А драгоценности дарят дамам зрелым, знающим себе цену, и без того обеспеченным. Хотя, конечно, бывают и исключения. Есть и молоденькие хищницы, копящие дорогие побрякушки. Кто из пристрастия к ним, а кто на старость. Лучше думай о том, что если Корригану от любовницы нужны не только постельные утехи, то вряд ли он будет использовать простую девицу-секретаршу, у тех не так много доступа к важным документам.

– Ясное дело, – усмехнулся Алекс. – Но наверху у меня женщин еще меньше. Не с Эстер же он крутит. Разве что... Лэрис? Ты ее проверял?

– Твою королеву счетов? А как же! Но она бестия умная, такую лису за хвост не поймает. Я продолжу работать, Алекс. У меня все так же полные полномочия?

– Разумеется! погоди, – встрепенулся Алекс, видя, что Сид уже встает. – Еще одно дело. Это не срочно, просто хотелось бы узнать... Ко мне в контору пришла некая тье. Зовут ее Маред Уинни. Вдова, студентка Университета, работает в «Корсаре» на практике. И спит со мной.

– Думаешь, тебе ее подсунули?

– Уверен, что нет. Я сам эту девочку выбрал и долго уговаривал. Либо ее подвели очень тонко, либо тье Маред – лучшая актриса столетия, прима Императорского театра ей и в горничные не годится. И то, и другое – совсем не похоже. Но ты все-таки покопайся в ее прошлом. Я хочу знать, как погиб ее муж. И нет ли там еще каких темных историй.

– Это, как я понимаю, личное? – бесстрастно уточнил Сид.

– Да, – подтвердил Алекс. – Очень личное. Мои люди в конторе о нашей связи не знают – и пусть не знают дальше.

– Сделаю. Это все?

Алекс кивнул. Пожал протянутую на прощанье руку – сухую крепкую ладонь с мозолями, набитыми везде, от ребра ладони до кончиков пальцев. Вот разве что по рукам понимающий человек мог бы многое сказать о Сиде Данше, Кон Аннуине, одном из лучших частных сыщиков Лундена. И втором лучшем друге Алекса. Друге еще из приютского детства, когда они спина к спине дрались против таких же приютских мальчишек, голодных злых зверьков, признающих только силу и жестокую готовность защищать свое. Это с Сидом Данше они вместе убегали в город и там, заработав первые собственные деньги, ели что-то, кроме опостылевшей казенной баланды, и пили свое первое пиво. С Сидом же они пилили ножки для табуреток, а потом сколачивали их под рычание вечно похмельного воспитателя, бывшего матроса. И

каторгу он предрекал им обоим, кстати, потому они и туда собирались вдвоем, только жизнь рассудила иначе. Жизнь пошутила, как за ней это водится...

Остаток дня прошел как-то сумбурно, без привычной четкости – залога успеха в делах. Наконец-то соизволил позвонить детектив, ведущий дело об убийстве официанта, и Алексу пришлось возвращаться в управление. Через полчаса знакомства с бумагами – на дорогу и то ушло больше времени – он убедился, что заподозрить метрдотеля в убийстве мог только человек, страдающий полной умственной непригодностью к полицейской работе. Или страстно желающий избавиться от дела, найдя первого попавшегося жертвенного агнца на роль убийцы. Была еще третья возможность: детектив мог выполнять чей-то заказ с целью скомпрометировать клуб, но это Алекс пока что всерьез не рассматривал, отнеся в область болезненной подозрительности.

Так или иначе, детективу хотелось отправить Ксавье на каторгу, а появление королевскогостряпчего этому мешало. У Алекса даже настроение улучшилось, пока он с упоением исследовал документы в поисках процессуальных нарушений, а потом по пунктам предъявлял их погрузневшему полицейскому. Напоследок он затребовал доклад эксперта и предложил детективу пари: угадать, на какой минуте судебного заседания данное дело рассыплется с позорным треском?

Так что в «Бархат» Алекс приехал довольным. Время неуклонно двигалось к вечеру, хотелось есть, а клубная ресторация почти не уступала его любимому «Азимуту». Заглянув по дороге в злосчастное помещение, где взорвался астерон, Алекс оценил скорость и качество ремонта, поздоровался с дежурным метрдотелем, сегодня это был Тьерри, и поднялся наверх.

Анриетта была у себя. Алекс вошел – и замер. Задернутые в разгар дня плотные шторы, открытая, но непочатая бутылка на столе... Анри, свернувшись в кресле клубочком, поджав под себя ноги, задумчиво вертела в руках бокал, словно решая: налить в него бренди или грохнуть хрусталь о стену. Появление Алекса подсказало третий путь: вздохнув, Анри поставила бокал на широкий подлокотник кресла.

– А я собиралась безобразно напиться, – меланхолично сообщила она, поднимая глаза к рожку астероновой люстры и внимательно, как в первый раз, разглядывая его. – Собираюсь-собираюсь...

– И как? – поинтересовался Алекс, обходя стол и бесцеремонно присаживаясь на него напротив кресла Анриетты. – Собралась?

– Увы. Вон, видишь, бутылка уже час стоит. Открытая. А пить не хочу. Не стоит оно того.

– Тебе виднее, – согласился Алекс, поднимая бутылку за горлышко и приносиваясь. – Отличный бренди. Тогда угости меня. Я бы выпил немного, но только за обедом. Спустимся в ресторацию?

– Не хочу, – снова вздохнув, призналась Анри. – Хотя если с тобой... Ты не против, если я прикажу накрыть здесь? Никого другого не хочется видеть.

– Как пожелаешь, – покладисто согласился Алекс, спрыгивая со стола и подходя к окну. – Только пообедаем вдвоем.

Он чуть потянул золоченый шнур штор, пуская в комнату солнце, – ровно настолько, чтобы можно было выключить бьющий по глазам астероновый свет. Вернулся к столу. Анри уже говорила по внутренней связи. В молчании они дождались пары официантов из ресторации клуба. Один из пареньков быстро застелил стол белоснежной накрахмаленной скатертью и помог второму расставить дымящиеся тарелки. Когда прислуга ушла, Алекс указал взглядом на бутылку. По этикету, разумеется, наливать спиртное полагалось ему, а не даме, но это был кабинет Анри, и Алекс не собирался посягать на ее хозяйские права.

Анриетта, сев в кресле уже благопристойно, плеснула в бокалы на два пальца жидкого золота, махом выпила свой бренди, прислушалась к чему-то внутри и принялась за жаркое. Алекс цедил крепкий напиток медленнее, смакуя, потом тоже взялся за мясо.

Ели молча, лишь изредка перебрасываясь ничего не значащими фразочками: какого цвета обои заказать для коридора возле взорванной комнаты, мясо сегодня шеф-повару удалось на славу, да и спаржа прекрасна, с делом Ксавье все хорошо – иначе и быть не может... Отодвинув пустую тарелку, Анриетта плеснула в бокалы еще бренди и выщедила свой по глоточку. Что бы ни мучило ее, оно уходило: заблестели глаза, напряженные плечи расслабились под мягким светлым шелком блузы, Анри даже в кресле села мягче и спокойнее. Взглянула на бутылку, явно раздумывая, не налить ли еще, но на вопросительный взгляд Алекса покачала головой.

– Нет, не стоит. Все прошло. Спасибо...

– Всегда к твоим услугам, – улыбнулся Алекс.

Встав, он снял с кресла Анри так и оставленный там первый бокал, сел на подлокотник, обнял за плечи прильнувшую к нему женщину. Склонился к макушке с простой изысканной прической, вдохнув чуть горьковатый запах духов от волос и кожи. Шепнул, коснувшись губами гладких смоляных прядей:

– Что случилось, милая?

– Ничего, – глухо отозвалась Анри, замерев в его объятиях. – В самом деле, Алекс, ничего. Сущие пустяки.

– Пустяки, из-за которых ты хотела напиться? Пустяки хуже убийства и взрыва?

Пару минут они так и сидели молча, Анри все теснее прижималась к Алексу, ее плечи снова закаменели. Потом она тихо сказала:

– В клубе сегодня был посетитель. Один из тех... кто меня... Я с тех пор его не встречала, была уверена, что этой твари нет в Лундене. А вот надо же...

– Он тебя видел? – спокойно уточнил Алекс, поглаживая плечи любовницы сквозь ткань медленными ритмичными движениями.

– Нет, – выдохнула Анри. – Он был в зале, я случайно заметила его сверху, с лестницы. И не стала спускаться... Алекс, говорю же, ничего не случилось. Просто... я не ожидала... Немного перенервничала. Ты знаешь, со мной это бывает.

– Бывает, – согласился Алекс, с сожалением подумав, что напрасно не поступил тогда более жестко.

Да, добраться до них было слишком сложно. А потом время затянуло раны, ублюдки притихли, кое-кто вовсе покинул Лунден. Да и Анри, казалось, выздоровела не только телом, но и душой. Почти выздоровела, так он думал. Оказалось, он был неправ. Впрочем, напиваться Анриетта, как ей ни было плохо, не стала. А все остальное – это теперь дело Алекса. Сегодня вернуться в коттедж к тье Уинни не выйдет. Жаль, но не бросать же Анри в таком настроении.

– Он ушел почти сразу, – монотонно и тихо продолжила красавица-сирена. – Мне кажется, он вообще заглянул случайно. Но если вернется...

– То получит по физиономии от охраны, – с деланным равнодушным спокойствием закончил Алекс. – И баргест с ней, с репутацией клуба. И вообще, если в «Бархате» какой-то мерзавец схлопотал по физиономии, то дело не в клубе, а в физиономии – разве можно в этом усомниться?

Незамысловатая древняя шутка неожиданно помогла: Анри отозвалась смешком, расслабилась и уже всерьез потянулась к Алексу, повернувшись и обняв его. Губы у нее восхитительно пахли бренди, мягкие, упругие, зовущие. Целуя, Алекс провел кончиком языка по нижней губе Анри, чуть прижал зубами. Спросил в самое ухо, расчетливо грея его дыханием:

– Оставишь дела на метрдотеля? Можем сегодня поиграть...

Вот так и вышло, что, позвонив Эвелин и сообщив совершенно не расстроенной этим тье Уинни, что сегодня ее заберет присланный водитель, Алекс на весь остаток дня и вечер расположился в клубе. Занялся делами, проверил накопившиеся документы, потом спустился

в общий зал. Анри, окончательно придя в себя, летала по клубу экзотической птицей, рассыпая улыбки и знаки внимания, очаровывая каждым движением и словом.

Алекс же, удобно устроившись за любимым угловым столиком, полускрытым драпировкой шторы, потягивал легкий коктейль и вспоминал, смирившись, что сегодня прошлое упорно всплывает в памяти и наяву.

С Анри его тоже познакомил Шэннон, попросив о помощи как стряпчего. История гнусная, но во времена Большого Взлета очень частая. Молодая красавица-танцовщица, приглашенная на частную вечеринку, и пьяная компания золотой молодежи, искренне полагающей, что им дозволено все. Будь Анри опытнее, она могла бы использовать свое очарование сирены, либо успокоив подонков, либо напугав, но у девчонки-полукровки не хватило сил и умения, а потом стало поздно. Танцы закончились зверским насилием. Немного протрезвев, юные лэрды бросили девушку в мобилер, вывезли за город и оставили в придорожных кустах, рассудив, что не обязательно пачкать руки, добывая жертву, – и так не выживет.

Неизвестно, кто из богов сжалился, но Анри повезло трижды. Во-первых, до дороги было недалеко – ублюдки поленились нести тело – и она смогла выползти на королевский тракт раньше, чем потеряла сознание. Во-вторых, октябрьской ночью холод от земли уменьшил кровотечение. И в-третьих, возле окровавленной голы девушки не побоялась остановиться супружеская пара, возвращавшаяся в Лунден из загородного имения. Мужчина оказался профессиональным целителем, а в экипаже был ящик с медикаментами и кое-каким инструментом. Сделав все возможное, великодушный лекарь отвез Анри в больницу, где работал. Когда девушка пришла в себя, ее навестила полиция. Но на расспросы Анри не отвечала, отделяясь коротким «не помню», а учитывая ее род занятий и наполовину нечеловеческую кровь, стражи порядка не стали копать слишком глубоко. Подумаешь, недовольный клиент избил девку-танцовку, наверняка подрабатывающую и другими услугами. Доказывать, что до этой ночи Анриетта Ресколь была невинна, уже не имело ни малейшего смысла.

Алекс пришел в больницу один, представившись персоналу семейным стряпчим больной. Выложил на столик у кровати сочные магрибские апельсины и шоколад, сел на краешек застиранной больничной постели. Глянул в потухшие болотно-зеленые глаза, окруженные «очками» кровоподтеков на распухом лице. Если девушка, которой его попросили помочь, и была красива, сейчас ее бы никто так не назвал. Негромко, медленно и спокойно сказал:

– Доброго дня, тье Ресколь. Меня зовут Александр Монтроз. Кое-кто называет меня Корсаром. Если вы обо мне не слышали, можете попросить рекомендации у Шэннон ап Дилвери. Я ваш стряпчий, и пока что у меня только один вопрос: мы будем предъявлять обвинение или договариваться о возмещении убытков? Иначе говоря, что вам нужнее, мечь или деньги? Подумайте хорошенько, тье, я навещу вас завтра. Кстати, вашей матушке сообщили, что вас сбил экипаж. Целителям о соблюдении врачебной тайны я уже напомнил, так что все особые обстоятельства останутся секретом. И если вам что-то понадобится, прошу не стесняться – ваше лечение оплачено, включая услуги сиделки.

Ему пришлось прийти еще не раз, прежде чем Анриетта заговорила. Время, конечно, уходило, но Алекс все равно работал по этому делу. Он еще не был королевским стряпчим, но уже считался человеком, которому стоит оказывать услуги. Через неделю Анри начала говорить, глядя в пустоту за его плечом и немилосердно шепелявя сквозь выбитые передние зубы. Алекс нашел нотариуса и камеру для записи, с которой научился работать сам. С нотариально заверенными показаниями, камерографиями и врачебным заключением он отправился наносить визиты.

Не к самим юношам, конечно, а к их старшим родственникам. Был вежлив, бесстрастен и очень убедителен. Объяснил, как им повезло, что девушка, которую изувечили их дети и племянники, согласилась на компенсацию. Нет, она не шлюха, просто танцовщица. Да, милэрды, разница есть. Нет, она бы непременно подала в суд, если бы не больная мать, которой бедное

дитя зарабатывало на дорогое лечение. Последнее было чистой правдой – и заключение доктора о здоровье тье Ресколь-старшей он тоже предусмотрительно подготовил.

Дальше он объяснил, что, исчезни вдруг Анриетта или откажись от своих показаний, это уже ни на что не повлияет, потому что у него, Александра Монтроза, репутация человека, который доводит дела до конца. Есть заверенные показания, есть свидетели и доказательства, и если с ним или Анри что-то случится, все это мгновенно попадет к нужным людям. Например, королевским следователям. А еще к вашим почтенным соперникам в Парламенте, милэрды, которые чрезвычайно обрадуются подобному козырю в борьбе за общественную нравственность. Ваши стряпчие? Прекрасно! Он будет только рад обсудить это с ними.

Да, Алекс рисковал. И вести переговоры пришлось долго. Но Анриетта просила не так уж много, куда меньше, чем стоит репутация почтенного графского рода, например. Милэрды навели справки о выскочке-стряпчем и милостиво согласились оказать помощь несчастной девушке, пострадавшей... под колесами экипажа. Монтроз от лица Анри твердо обещал похоронить эту историю. Ему самому куда больше хотелось похоронить ее виновников, но руки были коротки, а Анри отчаянно нуждалась в деньгах на лечение себе и матери.

Он пришел в больницу в последний раз все с теми же апельсинами, которые Анри все-таки ела. Рассказал все, отдал чек на внушительную сумму, улыбнулся, пожелал выздоровления и встал.

– Подождите, мэтр, – окликнула его Анри, все так же упорно глядя мимо. – А сколько я должна вам?

– Нисколько, – пожал плечами Алекс. – И если позволите, это не обсуждается. Во-первых, это была просьба нашего общего друга Шэннон. Во-вторых, наказать негодяев, хотя бы так умеренно, это то, что придает моей работе смысл.

Анри впервые посмотрела на него прямо, изумрудными эльфийскими глазами, лихорадочно горящими на смуглом лице, с которого сошли уже все следы побоев. Зубы у нее тоже выросли заново – одно из преимуществ сирен. И теперь Анриетта Ресколь снова была очень красива. Просто завораживающе...

– Я говорила о вас с Шэннон, – сказала она, глядя на Алекса в упор. – Если не хотите денег, я могу рассчитаться иначе. Тем, что вы ищете в особых клубках. Если, конечно, не брезгуете. После всего, что я... что со мной...

– Какая совершенная чушь, – хмыкнул Алекс. – Вы моя клиентка, тье Ресколь. А я стряпчий и должен соблюдать определенные правила нашей гильдии. Иначе я давно стоял бы под дверью вашей палаты с розами, прося о свидании. Вы любите розы, тье?

– Нет, – честно от растерянности сказала Анри.

– Тогда все усложняется, – картинно вздохнул Алекс.

Он снова присел на постель, уже застеленную свежим хорошим бельем, хоть и больничным, взял ладонь Анри – легко, ненавязчиво. Склонился и поцеловал тонкие смуглые пальцы. Попросил, подняв голову и глядя в удивленные глаза:

– Никогда не повторяйте глупости насчет оплаты, прошу вас. Не обижайте меня. Я был бы счастлив встретиться с вами не как стряпчий. Но вы вряд ли этого захотите, потому что мое присутствие будет невольно вызывать у вас неприятные воспоминания.

– Я... вам позвоню? Как-нибудь... – шепотом спросила Анри, снова отводя взгляд и заливаясь краской.

Алекс достал визитку и положил на тумбочку рядом с недоеденным апельсином.

– В любое время и по любому поводу. Я буду ждать, поверьте. Возможно, вам захочется просто поговорить за чашкой чая или кофе.

Она позвонила через две недели после выписки. Приняла приглашение в кофейню, была тихой, застенчивой и очень напряженной. Но согласилась встретиться еще раз, и еще. Потом они увиделись на одной из вечеринок Шэннон...

Алекс допил коктейль, подумал, не заказать ли еще один? Нет, не стоит. Алкоголь – вещь коварная, а он обещал Анри «поиграть». И от этой-то порции придется протрезветь, прежде чем начинать. Он глянул на лежащий рядом с бокалом фониль. Час до полуночи. Еще немного – и можно забирать Анри из зала, здесь вполне справятся без нее.

ГЛАВА 2. Связи, которые скрепляют мир

Провести целый вечер и всю ночь одной выглядело щедрым подарком Бригитты. Не иначе, богиня смилостивилась над непутевой дочерью, весь день усердно постигавшей премудрости новой работы. Маред так обрадовалась, что даже не сожалела об отмене обещанной учебы вождению. Тем более что это лэрд стряпчий не обязан был ни предлагать, ни обеспечивать. Это уже шло неожиданным бонусом к их контракту... А если у лэрда дела в Лундене, так тем лучше для Маред. Сегодня она свободна!

Без хозяина в особняке даже дышалось легче – так ей показалось. И можно было заняться чем угодно, так что после ужина Маред, слегка стесняясь, попросила подать ей кофе в комнату. Белоснежный с золотом кофейник и такая же фарфоровая чашка, две вазочки с разным печеньем, бонбоньерка, полная сладостей... Экономка успела заметить и пристрастие Маред к конфетам с ликером, и то, что она не пьет кофе с молоком и сахаром. Такое внимание было то ли приятно, то ли пугающе.

Отпустив горничную, Маред забралась с ногами на кровать и открыла вычислитель. Придвинула ближе столик, чтобы не держать чашку на весу – не дай боги плеснуть на драгоценное устройство. Откусила печенье, теплое и божественно пахнущее корицей, но с сожалением положила остальное обратно, понимая, что крошки от рассыпчатой сдобы непременно полетят на клавиши, а чистить их – дело хлопотное. Ну и ничего страшного, все равно конфеты она любит больше.

Монтроз, побери его боуги, и в этом был прав: пить кофе в постели, пусть и не спросонья, – редкое удовольствие. Осторожно доставая конфеты из обертки губами, чтобы не пачкать пальцы, Маред наслаждалась покоем и личным, только ей принадлежащим временем.

Для начала она открыла на вычислителе контракт с лэрдом стряпчим и внимательно перечитала. Снова, уже спокойно и внимательно, перелистала картинки с инструментами для причинения боли и удовольствия. Сверив их перечень со списком в приложении к контракту, убрала то, на что согласилась бы только под угрозой смертной казни. Долго колебалась, но все-таки оставила несколько. В основном из тех, что делают больно. Боли, как ни странно, Маред не боялась. Да и сомнительно, чтобы лэрд применял пыточные инструменты: ему больше нравится издеваться над ее душой, а не телом.

С особым ожесточением был вычеркнут пункт о камерографиях. Нет уж! Ни в коем случае! И никого постороннего во время интимных действий. Одна мысль, что кто-то может увидеть, как Монтроз с ней развлекается, вызывала страх и тошноту. А камерографии... Теперь она знает, как это опасно.

Маред поежилась, одним глотком допив кофе, словно смывая его вкусом мгновенную горькую оскомину. Налила себе еще чашку. И, закончив все, что можно было сделать без участия лэрда, задумалась, чем заниматься дальше. Что там лэрд изволил сказать про то, что нужно знать человека, от которого зависишь? О, Маред умеет учиться тому, чему научиться стоит. Она с удовольствием последует совету.

Конфеты и печенье были забыты, только кофе Маред торопливо допила, не в силах просто бросить. Выскользнув из комнаты, она прошмыгнула в библиотеку, чувствуя знакомый азарт исследователя.

Газеты! И журналы... Конечно, они нашлись во множестве. Толстые подшивки уважаемых изданий, обычные ежедневные выпуски новостей. Маред оглядела стеллаж со стопками прессы и содрогнулась. Она за неделю это не просмотрит. Ну хорошо, а вот и знакомый справочник! «Деловой Лунден» – бесценная вещь для тех, кто умеет им пользоваться.

Не отходя от полки, Маред ринулась листать страницы. Юридический дом «Корсар», владелец... Вот оно! Справочник был пятилетней давности. На тот момент его светлость лэрд Монтроз уже числился не просто королевским стряпчим, но и личным экспертом ее королевского величества в области корпоративного права. А еще членом Европейского законодательного собрания – почти совета небожителей в области международного правоведения. А «Корсар» занимал седьмое место в рейтинге юридических предприятий Великобритании. Ох...

Но это все официальные данные, их можно найти в любой публичной библиотеке. Маред же хотелось узнать больше о самом Александре Монтрозе. Что-нибудь, что позволит лучше его понять и даст хоть маленькую фору в игре беспомощной мыши и холеного вальяжного кота.

Она закрыла справочник и задумчиво обвела библиотеку взглядом. Может быть, искать следует не здесь? Почему не попробовать подружиться с кем-нибудь из прислуги? Уж те всегда знают о хозяевах массу интересного. Но чутье подсказывало, что горничные с ней откровенничать не станут, очень уж сдержанно они держались, говоря только о прическах и нарядах.

Маред прошла вдоль стеллажей с книгами, вернулась к прессе... Взгляд упал на ровную стопку журналов. Яркие гляцевые обложки не обещали респектабельности, лишь обычные сплетни...

Она решительно потянула стопку к столу в углу. Пролистала один журнал, второй, скользя взглядом по заголовкам и строчкам в поисках знакомых имен. И нашла! «Светская хроника империи», как пышно звался журнал, состоял из нескольких разделов: придворные новости, новости искусства, жизнь провинции... А вот и описания столичных развлечений. На очередной яркой камерографии лэрд Монтроз держал под руку ослепительно красивую блондинку в темно-голубом платье. Девушка смотрела прямо в камеру и была явно рада вниманию газетчиков. Подпись гласила: «Его светлость лэрд Александр Монтроз и его прекрасная спутница тьеды Флория Бёрнс на открытии выставки Королевского технического общества».

Маред вздохнула с невольной завистью. Может, она феяри? Хотя бы полукровка, раз имя человеческое? Ну не может у обычной девицы быть такой нежной фарфоровой кожи, словно сияющей изнутри. Белокурые волосы уложены в изящно небрежную прическу и словно вот-вот разлетятся, но каждая прядка лежит именно там, где лучше всего подчеркивает линию шеи и овал лица. Глаза – синие, огромные и очаровательно наивные под пушистыми ресницами, румянец на щеках едва угадывается, никакой вульгарной красноты. Фигура тоненькая, но с безупречными округлостями во всех нужных местах. Флория Бёрнс... Кто она лэрду? Случайная спутница или та самая фаворитка? И неужели Монтроз может пренебречь такой красавицей в пользу Маред? Променять очарование, нежность и изысканность на...

Маред закусила губу, отложив журнал. Посидела немного, стараясь успокоиться, и снова решительно развернула яркие страницы. Старательно не глядя на камерографию, вчиталась в статью. Конечно, о личных отношениях лэрда стряпчего и красавицы тьеды там не было ни слова. Обычная заметка о гостях, посетивших выставку. И с чего, кстати, Маред взбрело в голову, что лэрд пренебрегает блистательной тьедой Бёрнс? Он вполне может встречаться с ними обеими.

Снова закусив губу, Маред продолжила перебирать журналы. Перекопала всю стопку и нашла еще целых три доказательства, что тьеды Бёрнс – далеко не случайная спутница на один вечер. Репортерам явно нравилось снимать их. Оно и понятно, темноволосый, слегка смуглый Монтроз и хрупкая фарфоровая блондинка восхитительно смотрелись вместе. Значит, все-таки фаворитка – кого еще лэрд мог бы так часто выводить в свет?

Маред пожалала плечами, аккуратно вернув журналы на место. Это не ее дело, верно? Грустно и смешно: она, респектабельная вдова, и для лэрда, и для общества стоит на лестнице сословных отношений гораздо ниже тьеды Бёрнс. Та открыто гордится мужским вниманием, а Маред вынуждена прятаться и стыдиться того, какой ценой покупает будущую обеспеченную жизнь.

Вкус конфет, до сих пор стоявший во рту, вдруг показался приторно-неприятным, Маред забко поежилась. Как же хорошо, что Монтроза сегодня нет дома. Как ужасно, что завтра он вернется. Но до следующего вечера еще много времени, и днем она снова будет работать. Показать себя на службе – единственная радость, которую у нее никто не сможет отнять.

Анриетта поднялась наверх немного за полночь. Улыбнулась ему и провела ладонями по щекам, словно стирая усталость. После того обеденного бренди она больше не пила, хоть и фланировала по залу с бокалом коктейля в руке. Но это так, больше для видимости... Алекс уже и сам совершенно протрезвел, но все равно минут десять простоял под струей прохладной воды, избавляясь от напряжения после долгого дня.

– Я в ванную, – сказала Анри, кладя на стол отключенный фониль.

Алекс молча кивнул, сидя в кресле и с закрытыми глазами крутя в пальцах привычную тяжесть даблиона, – неизменный талисман не только приносил удачу, но и помогал настроиться на особое состояние духа.

Откинув голову на высокую спинку, он дождался мягких шагов по ковру и уронил даблион в карман брюк. Анри молча замерла у двери спальни, ожидая распоряжений. Игра у них всегда была одной и той же, но ведь любые правила в постели – просто холст для совместно творимого рисунка страсти.

– Иди сюда, – не открывая глаз, велел Алекс, переходя на нужный тон: мягкий и спокойный, но не допускающий и тени сомнения, что можно ослушаться.

Анри покорно подошла, опустила на колени рядом с креслом. Алекс положил ладонь на ее плечо, обтянутое тонкой рубашкой, вдохнул теплый нежный аромат волос. Погладил спину: между лопаток и вниз, потом снова вверх до основания шеи. Провел тыльной стороной ладони по прохладной щеке Анри к виску. Спросил:

– Зачем ты здесь?

– Чтобы подчиняться, – последовал тихий ответ.

– Верно, – согласился Алекс. – Что ты для меня сделаешь?

– Все, – выдохнула Анри. – Все, что пожелаете...

– Какая хорошая девочка, – усмехнулся Алекс, по-прежнему не открывая глаз, чтобы уловить самые тонкие оттенки ее голоса. – Жаль, что сегодня мне больше по вкусу плохие. Ты сможешь быть непослушной, сладкая моя?

– Как прикажете...

Судя по томным мягким придыханиям, Анри уже ступила на темный путь страсти. В играх такого рода ей требовалось совсем иное, нежели Незабудке. Боль – потом, когда возбуждение овладеет телом и душой полностью, да и то совсем чуть-чуть, как пряности к основному блюду. Больше всего Анри необходимо было покоряться, чувствовать над собой чужую власть, проходить по тончайшей грани между насилием и добровольным подчинением. Эта игра для двоих показалась бы жестокой и грязной любому, кто увидел ее со стороны, не зная правил. Но Анри она приносила если не исцеление, то временное облегчение старой боли.

– Как прикажу, верно, – снова согласился Алекс, подкрепляя похвалу еще одним поглаживанием по щеке и открывая, наконец, глаза.

Запустив пальцы в длинные, чуть влажные волосы Анри, он потянул голову женщины назад, чуть наклонился, заглядывая в лихорадочно блестящие глаза с расширенными от желания зрачками. Под его взглядом Анри, одетая в одну лишь белую кружевную рубашку, прогнулась назад еще сильнее, развела колени...

– Рано, – скучающим тоном сообщил Алекс. – Тебе придется попросить, чтобы я захотел с тобой развлечься. Очень хорошо попросить. Плохие девочки заслуживают не награды, а наказания...

Не переставая говорить, он положил кончики пальцев на губы Анри, погладил их, нежно провел по внутренней кайме. Подавшись навстречу, Анри поймала его пальцы губами, поцеловала, прихватив влажным горячим ртом. Ухитрилась взглянуть снизу вверх затуманенным взглядом, но Алекс молча покачал головой. Отняв руку, он распустил шнуровку на рубашке Анри, почти обнажив ее высококую смуглую грудь.

– Сначала танец, – проговорил все так же холодно и равнодушно. – Хорошие девочки не танцуют перед мужчинами, верно? И не раздеваются перед ними догола. А ты разденешься, сладкая моя. И будешь танцевать так, чтоб я видел, какая ты плохая.

Снова откинувшись на спинку кресла, он заложил руки за голову, наблюдая, как Анри с нечеловеческой текучей грацией одним движением поднимается на ноги и идет к углу с музыкальным проигрывателем. Подумал, что надо бы оборудовать хоть одну спальню шестом для танцев. А потом посторонние мысли вылетели из головы, потому что в комнату тихо и вкрадчиво вползла музыка. Что-то совсем не европейское, даже близко. Гортанный мужской голос, глухие барабаны и тонкая нежная флейта. То ли аравийское, то ли маджарское...

Покачнувшись у спинки стула, Анриетта медленно облизнула губы, повернулась боком, запрокидывая голову. Поднялась на носочки, развернув плечи, потянулась и запустила пальцы в волосы, прогибаясь назад... Под едва заметно убыстряющийся ритм погладила себя, скользя ладонями вниз по всему телу, обрисовывая его, двигаясь бедрами навстречу собственным рукам, остановившимся на животе...

Алекс сидел молча, завороченно любуясь отрешенным лицом Анри, покрытым бисеринками пота, словно женщина не двигалась плавно под медленную музыку, а напрягалась изо всех сил. Вот кончик языка показался между губ, облизнув их и снова спрятавшись, как змеиное жало, вот золотистая кожа щек потемнела от прилившей крови, взгляд стал пьяным, шальным...

Как и было велено, Анри танцевала, раздеваясь. Сирена, почти лишенная магии голоса, она с лихвой заменила его иными чарами. Томительно медленно, с показным безразличием, спустила белое кружево бретелек со смуглых гладких плеч, а потом заставила рубашку сползти с тела, не тронув ее и пальцем, одним лишь покачиванием стройных бедер. Переступив с ноги на ногу, чтобы выйти из кружевной пены на ковре, сделала шаг ближе – и музыка потекла по ее телу, как невидимая волна. Лаская себя, скользя по смуглому золоту кожи узкими ладонями, Анри отдавалась музыке, как любовнику, позволяя ей вести в глубины страсти и следуя всем своим существом...

– Достаточно, – уронил Алекс, слыша, как ее дыхание становится все более быстрым. – Выключи. Потом встань на колени и ползи ко мне.

Повинуясь, Анри нажала кнопку на вделанной в стене панели, потом опустилась на колени, слегка прогнувшись и даже в такой позе оставшись безупречно грациозной. Кажется, ее тело просто не умело быть неуклюжим. Опустив голову, она подползла и замерла, почти уткнувшись лицом в колени Алекса.

– Плохая девочка, – ласково сказал Алекс, проводя указательным пальцем по ложбинке вдоль ее спины и чувствуя, как мышцы под его рукой отзываются дрожью. – Очень красивая и очень плохая. Ты ведь хочешь быть моей? Отдаться мне, раздвинуть свои красивые стройные ножки, почувствовать меня внутри...

– Нет... – всхлипнула Анри, укладываясь щекой на колени Алекса. – Прошу вас...

– Чего же ты хочешь? – улыбнулся Алекс, снова запуская пальцы в темный шелк волос. – Что нравится таким плохим девочкам? Ты ведь сама пришла сюда, милая. Теперь придется обрабатывать плату. И одних танцев мало.

Не переставая говорить, он тронул ее полуоткрытые губы кончиками пальцев и на этот раз позволил Анри взять их в рот и посасывать, пока продолжал, медленно роняя каждое слово:

– Ты очень красивая, знаешь это? Нежная кожа, гибкое тело, волосы блестящие, мягкие. И губы... умелые, как у опытной шлюшки. Ты дашь мне свои губы, сладкая? Не для пальцев, как сейчас, а для другого...

Прижал ладонью голову Анри к своим коленям, не позволяя вырваться, расстегнул ширинку...

– Нет, – прошептала, дернувшись, Анри. – Нет, пожалуйста.

– Поздно, – усмехнулся Алекс. – Кто же разрешает плохим девочкам говорить «нет»? Они должны просто делать то, что им велят. Ты сама хотела, чтоб я тобой попользовался.

Рывком подняв напряженное тело за плечи, он толкнул Анри на пол, укладывая лицом вниз. Женщина напряглась, выгибаясь, пытаясь упереться ладонями в тонкий ковер, но Алекс надавил на лопатки и услышал всхлип. Сразу же, выказывая покорность, Анри раздвинула ноги и задышала тяжело и быстро.

– Так-то лучше, – сказал он ласково, наклоняясь ниже. – Забыла свое место, сладкая? Оно здесь, на полу. Ноги раздвинь шире. И приподнимись, а то мне будет неудобно. Ты ведь хочешь меня порадовать?

Дотянувшись до подушки, он сунул ее Анри под послушно поднятые бедра и поставил колено между раздвинутых ног – без всякой необходимости, просто чтобы дать почувствовать свою власть. Тихонько поскуливая, Анри лежала, отвернувшись и дрожа всем телом. И когда Алекс, перехватив ее запястья одной рукой, другой погладил мокрую от пота спину, сначала вжалась в ковер, потом свела лопатки, ерзая и пытаясь то ли отодвинуться, то ли освободиться.

– Плохая девочка, – промурлыкал Алекс, прихватывая губами верхний край ее уха, проводя языком по завитку, а потом медленно стискивая зубами. – А кто сам на это напрашивался? Кто разделся для меня?

Отчаянный всхлип, напряженное, как струна, тело: тронь – и зазвенит. Он слушал горячее дыхание, еле слышный скулящий стон. А когда отпустил заведенные за спину руки Анри – та ожидаемо рванулась и снова была уложена на ковер.

– Какая ты непослушная, – насмешливо проговорил Алекс. – Или передумала со мной играть?

– Нет, – выдохнула Анри в ковер. – Пожалуйста. Я буду слушаться. Не делайте больно!

– Не больше, чем сама захочешь, – проговорил Алекс, снова лаская ухо Анри языком. – Я не обижаю послушных девочек. Даже таких плохих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.